

Александр Валентинович Амфитеатров

Птички певчие

Александр Амфитеатров

Птички певчие

«Public Domain»

1896

Амфитеатров А. В.

Птички певчие / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1896

«...Замечали ли вы, что публика наших развратных садов и кафешантанов – очень сентиментальная публика? Точно, наглядевшись на голые плечи, на вызывающие глаза, одурев от блеска бриллиантов, от сальных фраз и намеков, – она чувствует потребность в реакции, хочет, чтобы в ее свиноватом веселье прозвучала хоть какая-нибудь человеческая нота...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Александр Амфитеатров

Птички певчие

(Московские нравы)

Моно¹

*Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Гибельных последствий.*

– И вот, братец, когда мы напились, то поехали к Яру...

– Позволь! – перебил приятеля приятель, – ты не верно выражаешься, не литературно: к Яру не ездят, к Яру попадают.

В самом деле: какой же здравомыслящий москвич, даже в загуле, вознамерившись провести вечер в свое удовольствие и на самую широкую ногу, выезжает из дома с определенно намеченным планом: «Сегодня я еду к Яру». Для современного москвича подобное заявление было бы равносильно тому, как если бы древний грек или римлянин обещал во всеуслышание: «Сегодня я брошусь с Левкадского утеса». После такой откровенности свидетелям остается один священный долг: связать заявителя по рукам и ногам и послать за полицией: «Берите его, – это сумасшедший и самоубийца...»

Нет, об Яре никто не мечтает вслух, никто не собирается туда с заранее обдуманном намерением. Напротив, мысль, что: «Чем черт не шутит – пожалуй, придется кончить вечер у Яра», – веселящийся москвич старательно скрывает даже от самого себя. Люди энергичные и склонные к самонадеянности клянутся и бранятся: «Чтобы я и сегодня поехал к вашему подлому Яру? Да ни за что! Боже меня сохрани! Я еще с ума не сошел и не собираюсь в Черемушки. И деньги у меня не бешеные, но трудом достаются, – да-с!.. Лучше я их на свечке сожгу, чем выброшу в эту бездонную бочку пьяных Данаид! Мне и о прошлом-то вечере стыдно и тошно вспомнить».

Люди поопытнее, гамлетовски изверившиеся в силу своего характера, памятуя многочисленные печальные прецеденты, сокрушенно вздыхают: «Эх, хоть бы сегодня-то Бог был милостив – не дал мне попасть к проклятому Яру. Да нет уж... Где уж! Что уж – Fatalité!»²

Ясный – весенний, летний, осенний – вечер. Резиновые шины развозят «веселящуюся Москву» по садам. «Веселящаяся Москва» аплодирует девице Отеро, аплодирует девице Раисовой, слушает «Пару гнедых» от г. Давыдова и «Нищую» от г. Форесто:

Она была м-мечтой поэта...
Подайте Христа ради ей!

– Bravo! Бис! – и даже слезы и истерики...

Замечали ли вы, что публика наших развратных садов и кафешантанов – очень сентиментальная публика? Точно, наглядевшись на голые плечи, на вызывающие глаза, одурев от блеска бриллиантов, от сальных фраз и намеков, – она чувствует потребность в реакции, хочет, чтобы в ее свиноватом веселье прозвучала хоть какая-нибудь человеческая нота. Если вы прислуша-

¹ Эпиграф (*ит.*).

² Судьба! (*фр.*).

етесь к тексту самых излюбленных номеров нашей кафешантанной толпы, сюжеты их покажутся вам истинным *memento mori*³ на пире ликующих, праздно болтающих. Тихим туманным утром по столичной улице пара гнедых кляч тащит похоронные дроги. «В гробе сосновом – останки блудницы». Покойница когда-то была шикарною кокоткою, а клячи – великолепными рысаками. Но состарилась блудница, состарились и рысаки. Она умерла...

Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у нее ни друзей, ни родных...
Несколько только оборванных нищих...
Пара гнедых! Пара гнедых!..

Я не раз был свидетелем, как эти четыре довольно нескладные апухтинские стиха, пропеты или, вернее, сказанные нараспев «Сашею Давыдовым», заставляли рыдать не только женщин, но и мужчин. Барнай, Мунэ Сюлли, Сара Бернар, Дузе, Ермолова лишь в самых высоких трагических вдохновениях поднимают свою публику до таких бешеных восторгов, какие вызывает в кафешантанной среде баритон или тенор, слезливо взывающий с эстрады к полупьяной толпе:

Плачь! плачь! плачь!
Не таи рыданья!
Плачь! плачь! плачь!
Облегчи страданья!

«Нищая» – старинная песня Беранже в превосходном переводе известного актера-водевилиста сороковых годов Д. Т. Ленского: история знаменитой певицы, которую оспа «лишила голоса и зрения», и бывшая дива протягивает теперь на паперти руку за милостыней... «Подайте Христа ради ей!..» Раньше «Нищей» и «Пары гнедых» была в моде тоскливая мелодия, написанная на общеизвестные, мучительно-страстные некрасовские стихи: «Не говори, что молодость сгубила»; не сходят с репертуара грустно-разочарованные «Ночи безумные». Эта сантиментальность распутной и невежественной толпы – черта едва ли не исключительно русская. В кафешантанах Парижа, Вены, Берлина, Неаполя никакому «артисту» и в голову не придет, что публику, пришедшую веселиться, можно забавлять плачем о блуднице в сосновом гробу, предсмертными стонами влюбленного и придиричливо-мелочного ревнивца или рассказом о том, как:

Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу.
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...

Когда европейский полуинтеллигент чувствует потребность в такого рода настроениях, он удовлетворяет ей в театрах бульварной трагедии и мелодрамы, имеющих на Западе широкое распространение. У нас нет их вовсе. За границею мне случалось видеть, как публика кафе-концертов, однородных с нашими «Омонами» и «Тулонами», тоже возбуждалась исполнением

³ Помни о смерти (*лат.*).

«серьезных» номеров до неистовства, кричала, стучала, бисировала. Но слез я никогда не замечал, да и «серьезность» номеров была совсем другого сорта. Француз беснуется, когда поют ему о реванше, о статуе Страсбурга, о матери солдата, о маленьком барабанщике, вздернутом на прусские штыки. Чтобы пробрать немца, пойте ему «Die Wacht am Rhein»⁴, «Deutschland, Deutschland, ueber Ailes»⁵. Чтобы довести до *fanatismo*⁶ итальянца, достаточно просто хорошо петь. А русскому для полного восторга подавай, среди пиршества, египетскую мумию – образ смерти и печали: пой о гробе, больнице, нищете... Хорошая эта черта нашей толпы или дурная, не берусь решать. Альфонс Додэ, строго осудивший Достоевского за Соню Мармеладову, а русских писателей вообще за «сантиментальную» страсть откапывать положительные черты в отрицательных явлениях жизни, вероятно, был бы немало сконфужен и возмущен, если бы показать ему воочию самобичующие, отравленные примесью неведомой, но тяжелой тоски удовольствия российских пшютов и падших или почти что падших женщин. У английского юмориста Джерома К. Джерома пономарь захолустного аббатства, где нет ровно никаких достопримечательностей, соблазняет проезжего юношу-туриста: «Я покажу вам могильные плиты... Одна немножко треснула, но это ничего: она все-таки очень хорошая могильная плита, и под нею хорошо похоронен настоящий покойник... А потом я покажу вам три черепа... Посмотрите на черепа! Вы молодой человек, вам надо повеселиться: ах, посмотрите на черепа!»

Турист убежал от пономаря опрометью. Любой русский кафешантан мог бы доставить этому пономарю сотни молодых людей, способных веселиться, созерцая могильные плиты и черепа.

От исполнителей чувствительных номеров не требуется ни голоса, ни умения петь. Нужна «слеза» в звуке, нужна «душа» в декламации. Я знавал многих, которые сами искренно и до слез волновались передаваемыми в их пении мрачными картинами и настроениями, и публика ценила их исполнение, дурное, грубое, полное безвкусной аффектации, выше самого изящного, самого законченного. Точно в этих убогих чувством и скудных разумом, выветренных до полной нравственной пустоты массах живет бессознательная тоска по утраченной душе – дыхании Божию; точно потребность хоть на миг почуять, какова она, эта душа, становится порою так велика, что человек, – из той же кафешантанной среды, но еще с душою, еще способный воспринимать и воспроизводить общечеловеческие чувства, – невольно становится для одичалых носителем и героем какой-то забытой правды, любимцем, полубогом. Хорошо это или дурно, опять-таки оставляю в стороне: психология толпы – дело сложное. Смотреть, как вслед за поголовным плачем о блуднице в сосновом гробу выскакивает на эстраду полунагая блудница, еще благоденствующая, и публика, только что рыдавшая, даже не хохочет, а прямо ржет на ее разухабистые цинические коленца, – довольно отвратительно. Но вместе с тем минутка мимолетной грусти как будто немного дезинфицирует удушливую нравственную атмосферу вертепов, где сцена и зрительный зал спорят между собою, – кто хуже. Я уверен, что если бы какому-нибудь Давыдову или Форесто пришла в голову мысль, спев «Пару гнедых» или «Нищую», обратиться к публике с воззванием: «Милостивые государи, в столице имеются так называемые магдалининские приюты для несчастных падших женщин, но средства приютов очень ограничены... Не дадите ли вы в их пользу, сколько кто может?» – я уверен, что посыпался бы дождь пожертвований, ни за минуту пред тем, ни минутою позже того, немыслимый и невозможный.

⁴ «Стража на Рейне» (нем.).

⁵ «Германия, Германия превыше всего» (нем.).

⁶ Восторга (ит.).

* * *

Час ночи. Сады кончили свою работу. В кафешантанах прошли «отделения»: сцена опустела занавес, и шато-кабак стал просто кабаком, где человеку, неохочему попасть в герои и свидетели скандала, дальнейшее пребывание неудобно. «Что ж нам делать? Не хочется спать», – и, сверх того, как будто еще и не всем успели насладиться... И вот – *alea jacta est!*⁷ «Веселящаяся Москва» собирается под яровскую сень, как наполеоновская гвардия на ночной смотр. Все очутились у Яра: и клявшиеся не быть, и неклявшиеся, и храбрые на словах стойки, и робкие Гамлеты.

– Петр Михайлович! Вы-то здесь какими судьбами? Вы же дали зарок – не ездить к Яру?

– А черт меня знает какими! Попал. Присаживайтесь к крющону.

– Ах, чтобы вам ни дна ни крыши! Ну сел... наливайте! Что с вами делать!

Яр, таким образом, своего рода проклятие бесснежных сезонов Москвы. Зимой он только довольно частое бедствие, в остальные времена года – фатальное проклятие. Он напоминает ту магнитную гору, о которой рассказ Синдбада-Морехода сохранили нам арабские сказки. В этой горе не было ничего особенного, но, чуть плыл мимо нее корабль, из него тотчас же выскакивали вон все гвозди, и судно шло ко дну. Нет ничего особенно и в Яру. Как ресторан, это даже посредственный ресторан. Москва – старинная столица обжорства и обладает такими блистательными кулинарными капищами, как – кроме разве Парижа – ни один город в мире. И, с точки зрения опытного московского вивёра, человек, способный после завтраков Славянского базара, после обедов Эрмитажа и Тестова, ужинать у Яра – либо круглый невежда в гастрономии, либо ненасытный Гаргантюа. Кухня неважная, даже «по особому заказу», для своей публики; мало же знакомые гости едят совсем плохо. Половые принимают заказы кушаний даже как бы с некоторым недоумением: вот, мол, охота есть у нас! – подают чуть не с часовыми промежутками от блюда к блюду, и случается, что вы велели дать себе филэ-сотэ, а вам приносят суцака-о-гратэн и еще божатся, что вы как раз это именно и приказали подать. Словом, приехав к Яру, гость предполагается сытым до отвала, но не пьяным, по крайней мере не вдребезги пьяным. Напаивать публику до положения риз, в компании певичек разных хором, и есть назначение этого удивительного и воистину единственного в своем роде учреждения. Нигде в России не выпивается... я хотел сказать: виноградного сока, но вспомнил, что его-то именно здесь и не достать... не выпивается больше хмельных микстур, чем у Яра, хотя опять-таки погреб его далеко не первоклассный.

– Отчего у вас такие дрянные *vins ordinaires*?⁸ – спросил я как-то распорядителей. – Русские от второстепенных фирм, иностранные – месиво самого скверного качества.

Мне отвечали:

– Нам нечего беспокоиться о вине. У нас не в нем суть. Вина у нас почти не пьют. Наш гость истребляет либо шампанское, либо коньяк. Это у нас на совесть: лучше нигде не найдете. А вино идет лишь так – между прочим, для «промежуточной публики»... А сами знаете: случайным посетителем мы не дорожим. Что в нем? Приехал из любопытства, чтобы лишь посмотреть, каков таков Яр, прожил красненькую и уехал – только и было с него прока. Нам, сударь, важен гость постоянный, завсегдатай наш, *habitué*⁹, как выражаются господа французы...

Трудно, даже почти невозможно, по здравому смыслу, вообразить себе существование целого класса людей, убивающих изо дня в день и свое время, и свои деньги на то, чтобы поддерживать жизнь скучного, хотя и шумного, однообразного, хотя и пестрого, кабака с казен-

⁷ Жребий брошен! (лат.).

⁸ Заурядные вина (фр.).

⁹ Завсегдатай (фр.).

ным весельем, с казенным пьянством, с казенным развратом. Однако такой класс есть – и даже многочисленный. И это далеко не сплошь очень богатые люди с бешеными деньгами. Между коренными, хроническими яровцами немало лиц, добывающих средства к жизни тяжелым упорным трудом. Московская ежедневная пресса, например, чуть не сплошь заражена недугом «яромании», а жизнь газетного сотрудника в Москве – каторжно-рабочая жизнь, и доходы его – не ахти какие великие доходы.

– Пора бы вашему издателю увеличить ваш гонорар, – сказал я однажды своему приятелю, молодому фельетонисту, имевшему в Москве большой успех. – Вас сильно читают.

Фельетонист рассмеялся.

– Я говорил ему.

– И что же?

– Он отказал – и не без остроумия, разбойник. «Видите ли, – говорит, – Яков Иванович, если бы вопрос был только о том, чтобы вам прибавить жалованья, я не возразил бы ни слова. Но ведь дело обстоит так, что не вы, собственно, получаете с меня жалованье, а ресторан Яр: оно только проходит через ваши руки. Яру же – я нахожу – вы платите более чем достаточно, и прибавлять ему решительно не за что». И он совершенно прав, если хотите. Ведь, действительно, – благо, я бессемейный, – как-то выходит так, точно я работаю не на себя, а на этот проклятый Яр...

Есть разряд посетителей, называемых на местном яровском жаргоне «горе-кофейщиками». Очень плачевный разряд. Это – пропащая молодежь малого достатка: конторщики, нотариальные писцы, приказчики. Денег нет, а про блестящий, дорогой яровский разврат наслышаны. И вот – так и манит, так и тянет хоть глазком взглянуть, «как это бывает». Часов до одиннадцати ночи это многообещающее юношество утаптывает бульвары, гоняясь за уличными женщинами, а когда запрут портерные, идут пешком к Яру – версты четыре, если не все пять. У Яра – чашка кофе, рюмка коньяку, двугривенный на чай половому – всего рубль денег; а сколько удовольствия-то за этот рубль: и электричество, и музыка, и сверкающие бриллиантами женщины, и возможность рассказать завтра в приятельском кружке, прихвастнув немного, что «кутил» в одном зале с актером X., экс-миллионерами Y. и Z., писателями U. и W., издателем N. – словом, со всеми премьерами московского вивёрства. А если «тузы» хорошенько подопьют и разойдутся до якшанья со всяким встречным, то и возможность в самом деле познакомиться с ними, быть приглашенным к их столу и напиться за их счет. Из горе-кофейщиков вырабатываются весьма скверные типы: и подлые, и опасные. Отсюда выходят лизоблюды, потешники богатых компаний, охотники – шутовством и, в стремлении угодить, не различающим ни задач, ни средств, услужничеством – втираться в общество «золотой молодежи» – к даровому шампанскому. Отсюда выходят «интересные подсудимые»: человеческая шушера, которая очаровывает невежественных, но охочих до сильных ощущений певичек болтовнёю, заимствованною из театральных фарсов, и громкими фразами – из романов «Московского листка» и «Новостей дня»; влюбляет и влюбляется; геройствует на словах и сутенерствует на деле; года три вытягивает у женщины ее гроши, добытые подарками от щедрых habitués ресторана и любовников-содержателей, а затем, в один глупый день, вдруг ни с того ни с сего, возьмет и пырнет свою даму сердца ножом или сам наглотается нашатырю – в дозе, достаточной для того, чтобы в газетах написали о попытке на самоубийство из ревности или из-за несчастной любви, но отнюдь-Боже сохрани! – не опасной для жизни.

Легонькие самоотравления – прямо какой-то спорт кафешантанного мирка. Певицы хоров травятся походя. Каждая из них травилась хоть разок в жизни: «Едва-едва меня тогда спасли!..» Но «спасли» непременно: они любят играть со смертью и притворяться, будто умирают, но умирать боятся, даже до суеверного ужаса ко всему, что напоминает о смерти – к кладбищу, к трем свечам на столе, к встрече с монахом и т. д. «От хорошей жизни не полейтишь», – говорит горбуновский портной. От счастья в хор не пойдешь! У редкой из певичек не

осталось в прошлом тяжелой семейной или личной драмы. Интеллигентные классы, конечно, представлены в составе «певичек» сравнительно малым процентом. Но все-таки среди бывших горничных и швеек далеко не редкость встретить девушку, прошедшую несколько классов гимназии, сбившуюся с пути гувернантку, разводу из порядочной семьи, бросившую мужа, и – по тщетном поиски более симпатичных занятий – очутившуюся в хоре. Еще недавно среди певиц московской Стрельны приютилась, поссорясь с семьей, княжна N. – с родословным деревом чуть не от Рюрика...¹⁰

¹⁰ Однофамилица, но не родственница «Княжны», выведенной в «Марье Лусьевой» (1904).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.